

дигмы, долгие годы фактически воспроизводилась в работах сибирских историков и была поставлена под сомнение лишь в конце 1990-х гг. (см.: [19; 20]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрящева А.И. Крестьянство в войне и революции: статистико-экономические очерки. М., 1921.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 33.
3. Красильников М.[П]. Экономические группы в сибирской деревне // Труды Сиб. стат. упр-ния. 1922. № 2.
4. М[ерхалев] Д. Из итогов выборочного обследования крестьянских хозяйств в 1921 г. // Труды. Сиб. стат. упр-ния. 1921. № 1.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3.
6. Яровой И.В. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири. Новониколаевск, 1924.
7. Лашевич М.[М]. Ближайшие задачи партии в деревне // Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1925. № 1.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 41.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4.
10. Клейтман Л. Капиталистические тенденции в сибирской деревне // На ленинском пути. 1927. № 4–5.
11. Сафаров Г.[И]. Наступление капитала в сибирской деревне (кричащие факты) // Большевик. 1927. № 13.

12. Ковалев Е.[И]. О расслоении в сибирской деревне по материалам динамической переписи 1926 г. // Стат. бюллетень Сибкрайстатуправления. 1927. № 9–10.

13. Бергвинов С.[А]. О темпе и характере расслоения сибирской деревни // Большевик. 1927. № 13.

14. Сырцов С.[И]. Неудачное выступление тов. Сафарова // Большевик. 1927. № 13.

15. Брике С. Экономические процессы в сибирской деревне // Жизнь Сибири. 1927. № 1.

16. Каврайский В.[А]., Нусинов И.[С]. Классовое расслоение сибирской деревни (Опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне). Новосибирск, 1927.

17. Каврайский В.[А]., Нусинов И.[С]. Классы и классовые отношения в современной советской деревне. Новосибирск, 1929.

18. Ансон А.[А]., Хоробрых Ф.[А]. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне // Советская сибирская энциклопедия. М., 1931. Т. II.

19. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999.

20. Ильиных В.А. Социальная мобильность сибирского крестьянства в конце XIX – первой трети XX в. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999.

Статья поступила
в редакцию 10.10.2014

УДК 930+94(47)+314(571)

В.И. ШИШКИН¹, А.И. САВИН²

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ В ЭПОХУ ВОЙН, РЕВОЛЮЦИЙ И РАДИКАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ*

¹д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru
²канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Статья посвящена анализу основных направлений и результатов изучения социальной мобильности российского общества первой половины XX в. в отечественной и зарубежной историографии.

Основоположником теории социальной мобильности стал П.А. Сорокин, сформулировавший базисное представление о том, что разнонаправленная социальная мобильность есть универсальное свойство всех общественных систем. До перестройки тема социальной мобильности была табуирована в СССР, несмотря на темпы и результаты социальной мобильности в России, не имевшие аналогов в мировой истории. Западные историки вплоть до середины 1970-х гг. также игнорировали тематику социальной мобильности, поскольку доминирование тоталитарной модели советского общества не оставляло места для анализа социальных перемещений.

Прорыв в изучении темы связан с деятельностью историков ревизионистской школы в США, уделивших особое внимание отдельным социальным лифтам советского общества, которые сыграли важную роль в создании опоры сталинизма. Кроме того, ими активно исследовался ряд социальных, гендерных и национальных групп, характеризовавшихся высокой мобильностью. Однако в последние годы под

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01725).

влиянием интереса к ментальной истории наблюдается процесс смещения исследовательского интереса западных историков к анализу мобильности идентичностей.

Отечественные историки по-прежнему являются аутсайдерами в изучении социальной мобильности в России. Тем не менее имеется значительное количество монографий и статей, в которых нашло отражение функционирование социальных лифтов, обеспечивших нисходящую траекторию вертикальной мобильности в 1920-е–1930-е гг. В результате картина социальной мобильности оказалась существенно деформированной. Этот историографический «перекосяк» нуждается в серьезной корректировке за счет выявления и изучения тех лифтов, которые в России первой половины XX в. обеспечивали восхождение по социальной лестнице. Только объективный анализ социальной мобильности позволит составить реальное представление о том, каким в действительности являлся вектор общественной эволюции страны в первой половине XX в.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальные каналы и лифты, Россия, XX в., зарубежная историография, отечественная историография.

В XX в. в мировой науке и в международном политическом сообществе возникло и постепенно утвердилось понимание того, что мобильность является неотъемлемой характеристикой и формой существования всех без исключения миров в диапазоне от материального до виртуального. Косвенным показателем признания в интеллектуальной среде универсальной роли феномена мобильности стало появление сначала в США, а затем и в СССР такой разновидности научной фантастики, как киберпанк (cyberpunk). Другим свидетельством осознания значения мобильности стала подготовка в 2009 г. по заказу Программы развития ООН группой международных экспертов специального доклада, посвященного значению мобильности для развития человека. В настоящее время мобильность, являющаяся свойством как живой материи, так и неживой реальности, служит предметом изучения почти всех естественных наук. Свою важнейшую задачу ученые-естественники видят в открытии в соответствующих предметных областях знаний законов функционирования мобильности, имеющих детерминистскую природу. Причем они решают эту задачу во всех мыслимых на сегодняшнее время сферах и масштабах: с одной стороны, пытаются приблизиться к пониманию происхождения Вселенной, а с другой – создают теоретические предпосылки для дальнейшего расширения объемов применения свойств и качеств мобильности в повседневных практиках.

Иное дело – социальная мобильность, свойственная такой сложноорганизованной системе, как общество. В силу того, что в обществе действуют люди, наделенные сознанием и волей, имеющие собственные индивидуальные и групповые интересы, мобильность является результатом взаимодействия множества факторов не только объективного, но и субъективного характера, учесть влияние всей совокупности которых при анализе невозможно. Последнее обстоятельство принципиально меняет природу общественных процессов и эвристические возможности тех наук, которые занимаются их изучением. Указанным объективным обстоятельством объясняется наличие нескольких теорий и концепций, предлагающих различные, иногда даже взаимоисключающие, трактовки как самого понятия «социальная мобильность», так и целей, задач и подходов к ее изучению.

Термин «социальная мобильность» ввел в научный оборот в начале 1920-х гг. П.А. Сорокин, кото-

рый понимал под ним любое изменение социальной позиции индивидов или страт. П.А. Сорокин разработал исходный категориально-понятийный аппарат, позволяющий исследовать данный феномен. Он сформулировал представление об основных типах социальной циркуляции (горизонтальная и вертикальная), ее индикаторах (интенсивность и степень охвата), социальных мембранах (перегородках) и детерминантах их капиллярности, конфигурациях социальной стратификации.

П.А. Сорокин первым обратил внимание на жесткую взаимосвязь между такими масштабными социальными катаклизмами, как войны, революции, голод и эпидемии, и резким изменением динамики и векторов социальной мобильности. Благодаря его публикациям в общественных науках сформировалось представление о том, что разнонаправленная социальная мобильность, обладающая своими ритмами, флуктуацией, периодичностью и цикличностью, является универсальным свойством всех общественных систем [1, с. 297–424]¹. Вслед за П.А. Сорокиным крупный вклад в разработку теоретических подходов изучения социальной мобильности, дифференциации и стратификации общества внесли американские социологи Т. Парсонс, Б. Барбер, Дж. Ленски, М. Тумин, С. Эйзенштадт. Специальным предметом исследования С. Липсета и Р. Бендикса стала мобильность в индустриальном обществе.

Однако инструментарий и методология западной социологической науки долгое время не были востребованы ни отечественными, ни зарубежными исследователями российского / советского общества. Это было тем более парадоксально, если учитывать исключительно высокие и не имеющие аналогов в мировой истории темпы и результаты социальной мобильности в России первой половины XX в. В это время Россия пережила несколько широкомасштабных и локальных войн, в том числе две мировые, несколько революций, включая Великую Октябрьскую, ряд радикальных реформ и «Большой террор», которые повлекли за собой неоднократные изменения государственных границ страны и строя, демографического потенциала, политической системы, экономики и социальной структуры. Но, как ни парадоксально, именно за это

¹ См. особенно главу «Социальная и культурная мобильность».

время Россия из преимущественно аграрной страны с традиционным обществом в кратчайшие – по меркам мировой истории – сроки превратилась в промышленную державу с индустриальным, радикально переструктурированным, обществом.

Более того, до перестройки в СССР тема социальной мобильности здесь была, по сути дела, табуирована, а соответствующий термин замещен понятием «перемещение». Как следствие, отечественные историки, философы и экономисты занимались главным образом изучением социальной структуры общества, ее динамикой, изменением численности и состава классов, реже – социальных слоев и групп. Особенно много внимания они уделяли, с одной стороны, ликвидации эксплуататорских классов (помещиков и буржуазии), отдельных слоев (кулачество) и групп (казачество, нэпманы), а с другой – социальным трансформациям ранее существовавших страт: превращению пролетариата в рабочий класс, единоличного крестьянства – в крестьянство колхозное, перевоспитанию «старой» буржуазной интеллигенции в новую «социалистическую».

Тем не менее в рамках марксистской исследовательской парадигмы увидел свет ряд фундаментальных публикаций советских историков, посвященных разным проблемам российского социума первой половины XX в.: его социально-классовой структуре (Ю.А. Поляков), демографической сфере (В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков), рабочего класса (В.З. Дробижев, А.А. Матюгин, С.Л. Сенявский), доколхозного (В.П. Данилов) и колхозного (Ю.В. Арутюнян, Ю.С. Борисов, Н.А. Ивницкий) крестьянства, интеллигенции (М.П. Ким, В.А. Ульяновская).

Довольно успешно изучением этих же проблем в советское время занимался большой отряд историков-сибиреведов. Заметный вклад в исследование народонаселения Сибири первой половины XX в. внесли В.В. Алексеев, Н.Я. Гушин и А.С. Московский, рабочего класса – Г.А. Докучаев, Д.М. Зольников и А.С. Московский, крестьянства – В.Т. Анисков, Л.И. Боженко, Н.Я. Гушин и Ю.В. Куперт, интеллигенции – Ф.А. Лукинский, И.И. Осинский и В.Л. Соскин, социальной структуры населения Сибири – Б.Л. Борисов, местных национальных меньшинств – Б.Б. Батуев, З.В. Гоголев, В.А. Демидов, Г.Л. Санжиев и др. Можно сказать, венцом их деятельности стали соответствующие тома многотомных изданий «Истории рабочего класса Сибири» (Новосибирск, 1982) и «Истории крестьянства Сибири» (Новосибирск, 1983).

Западные историки вплоть до середины 1970-х гг. также игнорировали тематику социальной мобильности в России. Ключевую роль здесь сыграло доминирование тоталитарной модели советского общества, практически не оставлявшей места для изучения социальных перемещений. Прорыв в изучении темы связан с именами А. Инкельса [2] и Ш. Фицпатрик [3] – одного из основоположников ревизионистской школы в США, оспоровшей основные положения и выводы адептов «тоталитаристского» подхода. Там, где пред-

ставители «тоталитарной» школы видели только принуждение, насилие и террор, «ревизионисты» сумели рассмотреть энтузиазм и активность целого ряда социальных слоев и групп, являвшихся «благоприобретателями» постреволюционных преобразований и служивших прочной опорой советской системы.

За последние тридцать лет в западной историографии советского общества обозначился явный прогресс в изучении феномена социальной мобильности. Появились монографии, выполненные на междисциплинарной основе, в том числе на стыке социологии, экономики, философии, психологии и этнологии, которые сочетают в себе конкретно-эмпирический материал и высокий теоретический уровень его обобщения. Особое внимание западные историки уделили изучению отдельных лифтов советского общества, сыгравших существенную роль в создании социальной опоры сталинизма: армии (М. фон Хаген, [4]), стахановского движения и феномена советского трудового героизма (С. Коткин [5]; М. Бакли [6]), движения активистов и ударников среди колхозников (Л. Зигельбаум [7]) и рабочих (К. Страус [8]; Д. Хоффман [9]; Х. Куромия [10; 11]; Д. Нойтатц [12]), а также колхозного «актива» и руководства (С. Мерль [13]).

Ряд публикаций зарубежных исследователей был посвящен изучению отдельных социальных, гендерных и национальных групп, характеризовавшихся высокой мобильностью: советской интеллигенции в целом (Д. Байрау [14]), инженерно-техническим служащим (С. Шаттенберг [15]), партийно-советской бюрократии (Г. Шрёдер [16]; Б. Штудер; Б. Унфрид [17]), женщинам (Б. Клементс [18]; С. Конце [19]), национальным меньшинствам (Т. Мартин [20]). Новым трендом в изучении проблемного поля социальной мобильности стал анализ формирования социальной идентичности у различных групп, возникших в процессе трансформации советского общества (Ш. Фицпатрик [21]; Й. Хеллбек [22; 23]; И. Халфин [24; 25; 26]; Г. Алексопулос [27]).

Социальная мобильность по-прежнему остается одной из приоритетных тем западной историографии российского общества первой половины XX в. Однако в последние годы ее проблемное поле претерпело заметные изменения. Эти изменения обусловлены рядом причин: дальнейшим снижением интереса к истории России и сокращением числа исторических кафедр соответствующего профиля; прекращением существования ревизионистской «исторической школы», являвшейся лидером изучения проблем мобильности в российском обществе; постепенным смещением исследовательского интереса историков, изучавших мобильность в социуме, к анализу мобильности идентичностей.

Такое сужение проблематики исследования социальной мобильности отнюдь не случайно. Оно объясняется ростом интереса к ментальной истории, «лингвистическим» поворотом в исторических исследованиях и целенаправленным использованием в связи с этим документальных источников личного

происхождения, прежде всего – дневников. Первым исследованием такого рода стала публикация Й. Хеллбека, основанная на дневниках «кулацкого» сына С. Подлубного, который сам себя «переделывал» в советскую личность [22]. Показательно, что одна из последних публикаций Ш. Фицпатрик, общепризнанного авторитета в сфере истории социальной мобильности советского общества, также посвящена изучению «новой» социальной идентичности тех слоев и групп населения, которые в результате своего перемещения оказались на иных ступенях социальной лестницы [21]. Все это позволяет констатировать, что конкуренция на данном научном поле снизилась, тогда как многие проблемы остались нерешенными.

В изучении проблем мобильности российского социума отечественные ученые значительно отстали от своих западных коллег. Только в 1970-е гг. появились первые исследования социологов-экономистов, посвященные селу и крестьянству, в которых эта тема нашла попутное отражение (Т.И. Заславская, 1970, 1974, 1977, 1980). Указанная тенденция заметно усилилась в условиях перестройки (И.Р. Пригожин, 1986; О.Н. Шкаратан, 1986; А. Ефимов, 1988; Н.Г. Ушкаров, 1988; Р.В. Рывкина, 1989; Е.Н. Стариков, 1989, 1990; Н.Ф. Туценко, 1989; В.И. Ильин, 1990).

Но только в постсоветский период социальная мобильность в России стала предметом специального исследования российских политологов и социологов (В.Ф. Анулин, 1993; В.Б. Пастухов, 1993; Е.Н. Стариков, 1994; И.В. Мостовая, 1995; М.Ф. Черныш, 1995; В.В. Радаев, 1996). Ее изучение велось преимущественно в хронологических рамках постсоветского времени. Однако в монографиях В.И. Ильина (Сыктывкар, 1996), А.А. Терентьева (Нижний Новгород, 2003) и М.Ф. Черныша (М., 2005) появились небольшие исторические экскурсы в 1920–1930-е гг. и были предприняты попытки анализа социальной мобильности в советском обществе, не давшие, однако, сколько-нибудь полной и ясной картины.

Что же касается отечественных историков, то в изучении социальной мобильности в России первой половины XX в. они по-прежнему являются явными аутсайдерами. До сих пор на эту тему нет ни одного специального исследования. Правда, имеется значительное количество статей и монографий, в которых попутно в научный оборот введен важный фактический материал и сделаны выводы, дающие представление об историческом фоне, на котором протекали процессы мобильности, а также приводятся ее результаты в различных социальных группах дореволюционной, революционной и постреволюционной России. Представляется, что ближе всех из отечественных историков к тематике социальной мобильности в дореволюционной России подошел Б.Н. Миронов (СПб., 1999), в революционной – С.А. Павлюченков (М., 1997), В.П. Булдаков (М., 1998, 2010) и С.М. Исхаков (М., 2003 и 2004), постреволюционной – Е.Г. Гимпельсон (М., 2000, 2001 и 2003), Т.М. Смирнова (М., 2003), С.Т. Минаков (М., 2004), А.Н. Чис-

тиков (СПб., 2007), О.М. Морозова (Ростов-на-Дону, 2010). Имеются также многочисленные публикации В.Н. Земскова, Г.М. Ивановой, Н.А. Ивницкого, Е.В. Кодина, О.Ф. Сувенирова, Н.С. Черушева и других, посвященные репрессивной политике советской власти, в которых нашло отражение функционирование социальных лифтов, обеспечивших нисходящую траекторию вертикальной мобильности в 1920-е и особенно в 1930-е гг.

В ряду современных исследований, близко примыкающих к тематике социальной мобильности и даже частично пересекающихся с ней, необходимо также назвать несколько крупных публикаций по истории Сибири. Это монографии В.А. Исупова (Новосибирск, 1991, 2000 и 2008) о народонаселении, В.Н. Уйманова (Томск, 1995 и 2013), С.А. Папкина (Новосибирск, 1997; М., 2012) и А.Г. Теплякова (М., 2007 и 2008) – о советских репрессиях в Сибири, В.А. Ильиных (Новосибирск, 1999, 2002 и 2003) – о единоличниках и политике раскрестьянивания, Л.И. Пыстиной (Новосибирск, 1999) – о бывших «буржуазных» специалистах, А.С. Шевякова (Томск, 2000) – о политотделах МТС и совхозов, А.И. Савина (Эссен, 2001; Омск, 2009), И.В. Нам (Томск, 2009) и А.В. Сушко (Омск, 2009; М., 2014) – о национальных меньшинствах, В.И. Исаева (Новосибирск, 2003), С.С. Букина и Р.Е. Романова (Новосибирск, 2013) – о молодежи, С.А. Красильникова (М., 2003; Новосибирск, 2008) – о крестьянской ссылке, В.А. Шулякова (М., 2004), П.А. Новикова и Г.И. Романова (Иркутск, 2009) – о казачестве. Сюда же нужно отнести коллективные монографии, посвященные положению маргинальных групп в сибирском обществе 1920-х – 1950-х гг. (Новосибирск, 2004 и 2010) и практикам отдельных социальных мобилизаций в 1920–1930-е гг. (Новосибирск, 2013).

Обращает на себя внимание явная асимметричность проблематики современных публикаций, посвященных изучению социальной мобильности в Сибири в первой половине XX в. Историки постсоветского времени сосредоточили основное внимание на исследовании лифтов, которые вели к понижению социального статуса как отдельных индивидов, так и целых социальных, этноконфессиональных и профессиональных групп, и выпустили из поля зрения социальное пространство в целом. В результате картина социальной мобильности оказалась существенно деформированной.

Безусловно, этот глубокий историографический «перекос» нуждается в серьезной корректировке за счет выявления и изучения тех лифтов, которые в России первой половины XX в. обеспечивали восхождение по социальной лестнице. Что касается советского периода, то в это время существовала и действовала целая система таких лифтов, наиболее эффективными среди которых можно назвать коммунистическую партию, Советы, Красную Армию, коммунистический союз молодежи, профессиональные союзы и другие общественные организации трудящихся, а также выдвигенчество.

Вопросы о совокупности и иерархии факторов, каналов, лифтов и институтов, благодаря которым в течение трех десятилетий социальная мобильность в России характеризовалась столь высокими показателями интенсивности и степени охвата, нуждаются в первоочередном изучении. В свою очередь, выяснение природы и типа социальных перемещений, их осевого направления и конфигурации позволит составить реальное представление об историческом метаконтексте указанной динамики: о том, каким был и каким стал характер стратификации российского социума, каким в действительности являлся вектор общественной эволюции страны в 1914–1945 гг.

Несомненно также, что только объективный анализ социальной мобильности 1914–1920 гг. позволит понять причины поражения России в Первой мировой войне, ее «срыв» в революцию 1917 г. и победу большевиков в Гражданской войне. Точно так же только изучение социальной мобильности 1920–1930-х гг. даст возможность осуществить реконструкцию и понять загадочную сущность социально-политического новообразования, получившего название советского сфинкса и оказавшегося способным одержать победу над фашистской Германией и ее союзниками во Второй мировой войне.

Ретроспективный анализ социальных перемещений также будет способствовать выработке более глубоких и объективных выводов по широкому комплексу ключевых проблем России тех лет, в первую очередь характеризующих власть и общество, а также взаимоотношения между этими двумя основными акторами. Нельзя исключить и того, что опыт недавней отечественной истории хоть в какой-то мере окажется востребованным и полезным в России для людей, наделенных сегодня властью, чтобы минимизировать ущерб от постсоветской мобильности, обернувшейся глубоким расслоением и маргинализацией российского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
2. *Inkeles A.* Social change in Soviet Russia. // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 13, N 1 (Spring, 1971). P. 111 – 113.
3. *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921 – 1932. Cambridge University Press, 1979.
4. *Hagen M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917 – 1930 (Studies in Soviet History and Society). Cornell University Press, 1990.
5. *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. University of California Press, 1995.
6. *Buckley M.* Mobilizing Soviet Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields. Rowman & Littlefield, 2006.
7. *Siegelbaum L.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. 1935 – 1941. Cambridge, 1988.
8. *Straus K.* Factory and Community in Stalin's Russia: the Making of an Industrial Working Class. Pittsburgh, 1997.
9. *Hoffmann David L.* Peasant Metropolis. Migration to Moscow and the Politics of Social Identity, 1929 – 1941. Ithaca, 1994.
10. *Kuromiya H.* Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928 – 1932. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1988.
11. *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s – 1990s. Cambridge University Press, 1998.
12. *Neutatz D.* Die Moskauer Metro. Von den ersten Plänen bis zur Grossbaustelle des Stalinismus (1897 – 1935). Köln u. a., 2001.
13. *Merl S.* Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre. Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute (Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, Bd 173). Berlin, 1990.
14. *Beyrau D.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsgeschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Göttingen, 1993.
15. *Schattenberg S.* Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren. München, 2002.
16. *Schröder H.-H.* Industrialisierung und Parteibürokratie in der Sowjetunion: Ein sozialgeschichtlicher Versuch über die Anfangsphase des Stalinismus (1928-1934). Berlin, 1998.
17. *Studer B., Unfried B.* Der stalinistische Parteikader. Identitätsstiftende Praktiken und Diskurse in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. Köln, 2001.
18. *Clements B.* Bolshevik Women. Cambridge University Press, 1979.
19. *Conze S.* Sowjetische Industriearbeiterinnen in den vierziger Jahren: die Auswirkungen des Zweiten Weltkrieges auf die Erwerbstätigkeit von Frauen in der UdSSR 1941 – 1950. Stuttgart: Steiner; 2001.
20. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923 – 1939, Ithaca, 2001.
21. *Fitzpatrick Sh.* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press, 2005.
22. *Hellbeck J.* Tagebuch aus Moskau 1931 – 1939. München, 1996.
23. *Hellbeck J.* «Self-Realization in the Stalinist System: Two Soviet Diaries of the 1930s», in Russian modernity: politics, knowledge, practices, eds. David L. Hoffmann and Yanni Kotsonis. N. Y., 2000.
24. *Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. University of Pittsburgh Press, 1999.
25. *Halfin I.* Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. University of Pittsburgh Press, 2007.
26. Language and revolution: the making of modern political identities / ed. Igal Halfin. Portland, 2002.
27. *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926 – 1936. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2003.

Статья поступила
в редакцию 9.10.2014